

ББК 63.529 (54)

П. К. Дашковский

**Начальный этап изучения мировоззрения номадов
Центральной Азии поздней древности***

P. K. Dashkovsky

**First Stage in Studying World Outlook of Central Asia
Nomads in the Late Antiquity**

Исследуется история изучения кочевых народов Центральной Азии. Во второй половине XIX — начале XX в. незначительность накопленной исследователями фактической информации по истории Центральной Азии обуславливала предварительные и самые общие оценки мировоззренческого развития номадов. В методологическом аспекте на протяжении 1920-х — начала 1930-х гг. наметился переход от эволюционизма, господствовавшего в предшествующий период, к марксистской формационной методологии. В этой связи не случайно стремление ученых увязать развитие кочевников, в том числе и в духовной сфере, со стадильной теорией. Привлечение различных письменных и отчасти этнографических материалов, без учета хронологических, территориальных рамок и культурно-исторической преемственности между народами, не позволяло еще в полной мере выработать методические основы для мировоззренческих реконструкций.

Ключевые слова: историография, кочевники, Центральная Азия, мировоззрение, реконструкция, методология, идеология.

Научному изучению верований и обрядов древних кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий предшествовало знакомство с их различными археологическими памятниками, исследование и интерпретация. Данная проблематика разрабатывалась в рамках общих тенденций становления исторической науки, а затем таких направлений, как скифология и номадология в целом. Начало изучения древностей Сибири относится к Петровской эпохе и последующим десятилетиям XVIII в. [1–5; 6, с. 7–15]. Значительный вклад в это дело внесли участники научных экспедиций Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, И. П. Фальк и другие ученые. Постепенно в процесс изучения Сибири, а затем и сопредельных территорий включались не только путешественники, военные, горные инженеры, но также

The work is devoted to the history of studying Central Asia nomad peoples. Insignificance of the actual information on the history of Central Asia gathered by the researchers stipulated preliminary and common opinions of nomads' world outlook development in the second half of XIX — the beginning of XX centuries. Transition from evolutionism, dominant in previous period, to Marxist formation methodology took shape in methodological aspect in 1920s — the beginning of 1930s. That's why scientists aspired to connect nomads' development with phased theory, including spiritual sphere. Attraction of different written and partially ethnographic data, without consideration of chronological, territory frames and cultural-historical succession among peoples, did not make it possible to work out methodological bases for world outlook reconstructions.

Key words: historiography, nomads, Central Asia, world outlook, reconstruction, methodology, ideology.

краеведы и ученые. Во второй половине XIX в. среди местной интеллигенции и в академической науке возрастает интерес к малоизученным районам Азии. В связи с этим Русское географическое общество и его сибирские филиалы при содействии Археологической комиссии организовали ряд экспедиций, маршруты которых проходили через разные районы Центральной Азии [5, с. 15–16; 7, с. 45–52; 8, с. 28–30].

Среди ученых второй половины XIX — начала XX в., внесших наибольший вклад в изучение кочевых народов Центральной Азии I тыс. до н. э., следует отметить В. В. Радлова, А. В. Адрианова, Г. Менье, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Д. М. Клеменца, С. М. Чугунова и др. Исследователей скифских древностей в дореволюционный период интересовали прежде всего вопросы этнокультурного характера.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г, «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая»).

В это время оформлялись теоретические и методические принципы изучения археологических и письменных источников, исторических периодов и народов. Нельзя не учесть и то обстоятельство, что с 90-х гг. XIX в. отечественная историческая наука включалась в активный процесс разработки методологии научного исследования [9], что отразилось и на работах кочевниковедов. В целом можно отметить, что именно со второй половины XIX в. начинается непосредственно научное изучение мировоззрения древних кочевых народов Саяно-Алтая. Связан этот процесс во многом с деятельностью выдающегося ученого В. В. Радлова [10]. На основе своих раскопок в Южной Сибири и Казахстане исследователь сделал некоторые выводы о религиозной и социально-экономической жизни кочевников. Пытаясь восстановить погребальный обряд древнего населения Горного Алтая, он привлек китайские источники, в которых содержалась информация о погребально-поминальных традициях древних и средневековых народов Сибири [11, с. 410–480]. В. В. Радлов одним из первых обратил внимание на особенности искусства древних кочевников Алтая. В этой связи он указывал, что синкретические образы животных, в том числе и фантастические, связаны с религиозно-мифологическими представлениями кочевников, возможно, они копировали идолов скотоводов [11, с. 467–468].

В рассматриваемый период происходило становление не только отечественной скифологии, но и поднимались вопросы, связанные с историей других народов региона эпохи поздней Древности, прежде всего хунну. Нужно отметить, что хунну были достаточно хорошо известны научному сообществу с середины XIX в. по письменным китайским источникам, во многом благодаря переводам, сделанным Н. Я. Бичуриным. В конце XIX — начале XX в. раскопки хуннских памятников предпринял Ю. Д. Талько-Гринцевич [12], который фактически заложил основы отечественной хуннологии. Исследователь составил подробное описание обнаруженных им погребений хунну, что является ценным источником для мировоззренческих реконструкций. Однако сам ученый воздержался от оценки духовной культуры населения, оставившего зафиксированные им памятники, и ограничился незначительными заключениями культурно-исторического характера [12, с. 117–123].

Во второй половине XIX — начале XX в., как и в течение нескольких последующих десятилетий, история древних кочевых народов изучалась в большей степени на основе письменных источников, преимущественно китайских хроник. Такие источники касались в основном народов хунно-сяньбийского периода и крайне слабо освещали предшествующую скифскую эпоху в истории Саяно-Алтая. Активно переводились исторические и географические труды античных авторов, в кото-

рых упоминались скифо-сакские племена Евразии. Однако такие сведения, в силу того, что еще не была обоснована возможность их экстраполяции на народы Центрально-Азиатского региона, как правило, не учитывались исследователями. Указанные обстоятельства, безусловно, сказывались как на характере исследуемых вопросов, так и на полученных выводах. В этой связи показательной является работа К. Иностранцева «Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов)» [13]. Подзаголовок этой книги обстоятельно раскрывает круг основных проблем, интересовавших ученых в тот период, среди которых мировоззренческая, а также социальная тематика никак не обозначена.

Важно отметить, что в первое десятилетие установления советской власти в отечественной исторической науке сохранялись те тенденции и направления исследований, которые были обозначены учеными «старых» дореволюционных школ. С этого периода началось становление различных академий, открытие обществ, комиссий, ассоциаций, занимающихся историческими изысканиями, наблюдалось усиление работы архивов, музеев, библиотек. В то же время новая власть фактически сразу обозначила две главные задачи исторических научных и учебных заведений: участие в формировании новой марксистской идеологии и культурно-просветительская деятельность, которая напрямую зависела от той же идеологии [14, с. 43–45]. Нельзя не учитывать и другую особенность исторических исследований этого времени. Уже в дореволюционный период отечественные историки стали активное внимание уделять методологии истории. Несмотря на бурные политические события 1917 г., эта проблематика активно разрабатывалась и обсуждалась в течение нескольких последующих лет представителями немарксистской исторической науки. Исследователи серьезное внимание уделяли эволюционной концепции развития общества, выработанной в позитивистской философии, а также неокантианству [9; 15]. При этом нельзя не подчеркнуть, что наряду с разработкой рациональной методологии истории стали появляться труды Л. П. Карсавина («Введение в историю»), С. В. Франка «Очерк методологии общественных наук»), В. М. Хвостова («Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории»), в которых предлагался иррациональный путь исторических исследований в духе «философии жизни» [16, с. 88–89]. Показателем интегрированности молодой советской исторической науки является и достаточно активное участие отечественных ученых в 1920-е — начале 1930-х гг. в международных конгрессах историков, которые стали организовываться в разных европейских странах с 1900 г. [17, с. 436–445].

В целом ситуация в отечественной исторической науке, сложившаяся в 1920-е гг., рассматривается историографами как период «своеобразного мирного сосуществования», формирующего марксистского и традиционного дореволюционного (так называемого буржуазного) направлений [14, с. 51–52; 18, с. 143]. Что касается кочевников, то для представителей этого направления, наряду с методологическими работами, первоочередной задачей оставалось накопление источников, прежде всего археологических. Именно расширение источниковой базы, требовавшей серьезных финансовых средств и колоссальных усилий работы ученых в экстремальных условиях, создавало принципиальную возможность постановки и решения проблем социального и мировоззренческого развития кочевников.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что практически сразу после революционных событий и Гражданской войны были возобновлены археологические исследования на территории Саяно-Алтая и в сопредельных областях. В 1920–1930-е гг. в этом регионе работали Алтайская (С. И. Руденко), Минусинская (С. А. Теплоухов, С. В. Киселев), Саяно-Алтайская (С. В. Киселев), Монголо-Тибетская (П. К. Козлов) и некоторые другие экспедиции и отдельные отряды. В ходе раскопок был получен первый массовый материал, необходимый для различных, в том числе и мировоззренческих, реконструкций. Исследователи этого времени унаследовали традиции отечественной дореволюционной палеоэтнологической школы, базировавшейся на принципах эволюционизма. Такая традиция предполагала комплексное изучение различных сторон истории древнего народа с привлечением всего корпуса источников, а также методов естественных наук [19, с. 72–98; 20].

Надо отметить, что в 20–30-е гг. XX в. широкое распространение в отечественной науке получил стадиальный подход к изучению древних обществ, один из разработчиков которого — академик Н. Я. Марр [21; 22]. Первоначально теория стадийности была разработана исследователем в рамках языкознания на основе изучения основных аспектов развития языка. Отводя ему роль надстройки общества, ученый считал, что смена «видов» производства, вызывая перемены в общественном строе, отображается в коллективном мышлении и, соответственно, в языковой структуре. Это, в свою очередь, позволяет заключить, что каждой социально-экономической формации соответствует специфичный языковой строй. Немного позднее Н. Я. Марр попытался соотнести «лингвистические стадии» с данными по истории материальной культуры. Однако эта попытка оказалась неудачной, поскольку, по оценкам некоторых ученых, она «...определялась непониманием диалектической взаимосвязи между базисом и надстройкой, а также переоценкой идеологической роли языка в развитии об-

щества» [22, с. 34–35]. Постепенно Н. Я. Марр и его единомышленники, в частности И. И. Мещанинов [23; 24], В. В. Гольмстен [25] и некоторые другие исследователи, распространили положения теории стадийности на изучение исторических процессов. Ученые исходили из представления, что динамика культуры обладает единством для всех районов Старого Света на начальных этапах истории человечества. Существующие различия в формах динамики культуры выводились исследователями из неодинаковых условий и несходного характера их проявления, обуславливающих известную вариативность в общем ходе развития. Изучение процесса видоизменения форм в их переходах из стадии в стадию исследователи предлагали осуществлять в рамках особого палеонтологического или генетического подхода. Основное содержание такого подхода заключалось в объяснении сущности этого процесса с учетом всех его движущих сил [22, с. 36].

Эволюция в культуре (материальной, духовной), преобразование языка связывались Н. Я. Марром и И. И. Мещаниновым со стадийными трансформациями автохтонного населения. Популярность автохтонизма в отечественной археологии являлась реакцией на распространение в европейской науке миграционизма и диффузионизма, отвергавших традиции эволюционизма [26, с. 120–122; 27, с. 21]. Н. Я. Марром и И. И. Мещаниновым любая «стадия» рассматривалась как универсальный этап в жизни народов одинакового культурного уровня. Этноним «скифы», согласно яфетической концепции Н. Я. Марра, имел два значения: тотемное и классовое. Первое связывалось Н. Я. Марром [28, с. 302–303] с яфетическими языками, второе — с новым социальным статусом кочевников в Причерноморье.

Содержавшееся в теории стадийности рациональное зерно заключалось в попытке объяснения внезапных качественных преобразований в культуре, внутренних источников развития, роли усовершенствования техники производства для всего социокультурного развития, отражение социальных отношений в материальной культуре [27, с. 21]. Но на практике следование данной концепции привело к довольно абсурдным выводам. В отношении кочевников это выразилось во мнении, что развитие кочевничества в степи прошло «кимерийскую», «скифскую», «сарматскую» и «готскую» стадии [27, с. 21; 29, с. 75; 30, с. 53]. В этом духе написаны работы С. Н. Быковского, В. И. Равдоникаса и других ученых 1930-х гг.

В отношении апробации теории стадийности при изучении мировоззрения народов Саяно-Алтая наиболее показательной является работа В. В. Гольмстен [25]. Исследовательница учла также разработки Дж. Фрэзера в области особенностей мышления древних людей, которое, по мнению последнего, во многом базировалось на законах ма-

гии. В конечном итоге В. В. Гольмстен отметила, что, во-первых, социально-экономическое развитие приводило к трансформации мировоззрения, что проявлялось и в искусстве. Во-вторых, «звериный стиль» кочевников прослеживается на протяжении трех стадий: киммерийской, скифо-сарматской и гуннуской. Первая стадия соответствует родовому обществу, вторая — ее распаду, а третья — полукочевому феодальному государству. В-третьих, изображения животных на различных предметах, выявленные на каждой стадии, в целом символизировали тотемов определенных родов кочевников. Исходя из этого изображения сцен терзания трактуется исследовательницей как магическое воздействие на тотем враждебного племени [25, с. 108–117].

Необходимо подчеркнуть, что В. В. Гольмстен справедливо указывала на влияние экономического фактора при формировании мировоззренческих представлений и во многом продемонстрировала важность такого направления исследований. Однако конкретные исторические и мировоззренческие интерпретации, предложенные ею, оказались несостоятельными. Очевидно, сложившуюся ситуацию понимала и сама В. В. Гольмстен [25, с. 101], но выйти за обозначенные методологические и идеологические рамки не было возможности. Концепция отождествления изображений животных в искусстве кочевников с родовыми и фратриальными тотемами не выдержала последующей научной критики [31, с. 153; 32–34], хотя последователи тотемической природы скифского искусства отстаивали свои позиции вплоть до 1980-х гг. [35, с. 49; 36, с. 135; 37, с. 129; 38, с. 83].

Для развития отечественной скифологии, в том числе и изучения духовной культуры nomadов, важное значение имели концептуальные исследования М. П. Грязнова. Следует обратить внимание на то, что методологические и методические принципы научной деятельности М. П. Грязнова сформировались, с одной стороны, на основе наследия русской палеоэтнологической мысли XIX — начала XX в., а с другой — под влиянием марксистского материалистического понимания истории [39, с. 77–89] и теории стадильности Н. Я. Марра. Не меньшее значение для научной деятельности М. П. Грязнова имели эволюционно-этнологические разработки его учителя и соратника С. А. Теплоухова [19, с. 170–193; 40]. Такая теоретическая база легла в основу изучения одной из центральных тем на протяжении всего творчества М. П. Грязнова — истории ранних кочевников. В то же время мировоззренческая проблематика для М. П. Грязнова не была никогда центральной, хотя им опубликованы работы, в которых высказан ряд оригинальных и интересных идей по данной теме. В рамках рассматриваемой проблематики в конце 1920-х гг. М. П. Грязнов [41; 42] опубликовал только подробное описание погребального обряда nomadов, зафиксиро-

ванное им при раскопках Первого Пазырыкского кургана. Однако в послевоенный период выйдет специальная монография, посвященная этому уникальному памятнику, в которой особое внимание будет уделено реконструкции верований кочевников [43].

Важную роль в исследованиях древних памятников Саяно-Алтая и реконструкции мировоззрения nomadов сыграл другой выдающийся исследователь — С. И. Руденко, деятельность которого хорошо изучена в отечественной историографии (см. обзор: [44, с. 105–113; 45]). Именно в этот период происходило становление С. И. Руденко как ученого, формировались его научные интересы и методические принципы исследования [46, с. 16–18], хотя наиболее значимые открытия и работы по истории nomadов, в том числе в области реконструкции религиозно-мифологических представлений, будут опубликованы после Великой Отечественной войны, в 1950–1960-е гг. В данном случае можно отметить, что в ходе работы Алтайской экспедиции этнографического отдела Русского музея под руководством С. И. Руденко с 1924 по 1929 г. проводились исследования курганов под Бийском, в урочищах Пазырык и Шибэ [41; 47]. С этого времени началась концептуальная разработка истории кочевых объединений, существовавших в Саяно-Алтае и на сопредельных территориях в скифский и более поздний периоды. Почти при полном отсутствии письменных источников исследование археологических памятников для изучения проблем духовной культуры и социально-политических отношений скотоводов приобретало решающее значение.

В 1920-е гг. сохраняется в nomadологии интерес к изучению истории хунну. В 1924–1926 гг. Монголо-Тибетская экспедиция под руководством П. К. Козлова произвела раскопки в горах Ноин-Ула [48]. Несмотря на уникальность материала, тем не менее, его изучение и публикацию осуществил спустя несколько десятилетий С. И. Руденко. При этом полученные данные будут активно привлекаться при реконструкции мировоззрения и установления влияния культуры Китая на погребальный обряд кочевников [49, с. 40; 50–53].

Таким образом, только в рассматриваемый период началось целенаправленное научное знакомство с различными кочевыми народами поздней Древности Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Незначительность накопленной исследователями информации по истории региона обуславливала предварительные и самые общие оценки мировоззренческого развития nomadов. В то же время археологические исследования на Алтае во второй половине XIX — первой трети XX в. заложили основы комплексного подхода к изучению разных аспектов развития кочевых обществ, в том числе и к реконструкции мировоззрения. Первые разработки видных отечественных ученых (В. В. Радлова, М. П. Грязного, С. И. Руденко)

по истории кочевников были реализованы в полной мере в последующий период. В методологическом аспекте на протяжении 1920-х — начала 1930-х гг. наметился отход от эволюционистской методологии, которая имела важное значение при изучении погребальной обрядности и соответствующих социокультурных реконструкций. На смену эволюционизму все активнее прокладывала себе дорогу новая марксистская формационная методология, на несколько десятилетий ставшая единственной теоретической основой для общественных наук. В этой связи не случайно стремление ученых увязать развитие кочевников, в том числе и в духовной сфере, со стадийной теорией, что хорошо видно по исследованию В. В. Гольмстен. Аналогичные тенденции в исторических исследованиях рассматриваемого периода были характерны для изучения духовной культуры раннесредневековых кочевников Центральной Азии. Несмотря на то, что тюркоязычные племена были хорошо известны по письменным источникам и обладали своей рунической письменностью, тем не менее, в области реконструкции мировоззрения

кочевников ученым удалось сделать еще только самые общие выводы [54]. В то же время нельзя не отметить, что мировоззренческая проблематика, наряду с изучением этнокультурных и социально-политических процессов, занимает важное место в кочевниковедческих исследованиях, определив на многие десятилетия дальнейшие направления развития отечественной кочевниковедологии. Серьезной проблемой для первых мировоззренческих реконструкций оставалась методика таких исследований. Привлечение различных письменных и отчасти этнографических материалов, без учета хронологических, территориальных рамок и культурно-исторической преемственности между народами, не позволяло еще в полной мере выработать методические основы для мировоззренческих реконструкций. Однако в целом учеными был справедливо обозначен сравнительно-исторический подход, который в совокупности с историко-этнографическим послужит методической основой для развития как советской, так и современной российской кочевниковедологии в XX — начале XXI в.

Библиографический список

1. Алексеева Г. Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки* / под ред. Ю. Н. Афанасьева. — М., 1996.
2. Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. — Новосибирск, 2005.
3. Демин М. А. Первооткрыватели древностей. — Барнаул, 1989.
4. Демин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. — СПб. ; Барнаул, 1995.
5. Матющенко В. И. 300 лет истории сибирской археологии. — Омск, 2001. — Т. I.
6. Тишкин А. А., Дашковский П. К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. — Барнаул, 2004.
7. Длужневская Г. В. Древности восточной части Евразии в материалах научного архива Института истории материальной культуры РАН. — СПб., 2005.
8. Матющенко В. И. 300 лет истории сибирской археологии. — Омск, 2001. — Т. I.
9. Хмылев Л. Н. Методологические аспекты исторической науки на рубеже XIX и XX вв. // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки* / под ред. Ю. Н. Афанасьева. — М., 1996.
10. Артюх Е. А. Алтайский период в научной деятельности В. В. Радлова. — Барнаул, 2010.
11. Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника). — М., 1989.
12. Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — СПб., 1999.
13. Иностранцев К. Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа хунну из китайских летописей, о происхождении гуннов и о взаимоотношениях этих двух народов. — 2-е изд., доп. — Л., 1926.
14. Алексеева Г. Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки* / под ред. Ю. Н. Афанасьева. — М., 1996.
15. Вандаковская М. Г. О традициях дореволюционной науки // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки* / под ред. Ю. Н. Афанасьева. — М., 1996.
16. Рамазанов С. П. Методологические искания историографии России // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки* / под ред. Ю. Н. Афанасьева. — М., 1996.
17. Кравченко Е. А. Участие русских и советских историков в первых международных конгрессах историков (МКИН) // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки* / под ред. Ю. Н. Афанасьева. — М., 1996.
18. Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание нации: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // *Отечественная история*. — 1994. — № 3.
19. Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е гг.): изучение памятников эпохи металла. — Новосибирск, 2007.
20. Тихонов И. Л. Палеоэтнологическая школа в Санкт-Петербургском университете (этапы формирования) // *Археология Сибири: историография*. — Омск, 1995.
21. Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. — М., 1991.
22. Бабушкин А. П., Колмаков В. Б., Писаревский Н. П. У истоков марксистских концепций советской

археологии (Формирование стадийного подхода к исследованию древних обществ в сер. 20-х — I пол. 30-х гг.) // Методология и историография археологии Сибири / под ред. Л. Ю. Китовой. — Кемерово, 1994.

23. Мещанинов И. И. О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. — 1932. — № 1–2.

24. Мещанинов И. И. Проблемы классификации языков и народов // Советская этнография. — 1933. — № 2.

25. Гольмстен В. В. Из области культуры древней Сибири (предварительное соображение) // ИГАИМК. Из истории докапиталистических формаций: сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра. — М.; Л., 1933. — Вып. 100.

26. Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х гг.). — Киев, 1982.

27. Клейн Л. С. Феномен советской археологии. — СПб., 1993.

28. Марр Н. Я. Основные достижения яфетической теории. — Ростов на/Д., 1925.

29. Писаревский Н. П. Изучение истории ранних скотоводческих обществ степи и лесостепи Евразии в советской археологии середины 20-х — первой половины 30-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 1989.

30. Формозов А. А. Русские археологи до и после революции. — М., 1995.

31. Дудко Д. М. Религиозно-мифологическая семантика скифского звериного стиля: история исследования // Народы Азии и Африки. — 1985. — № 4.

32. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. — М., 1977.

33. Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. — М., 2002.

34. Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). — Новосибирск, 2006.

35. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // Материалы и исследования по археологии. — № 26. — М.; Л., 1952.

36. Матющенко В. И., Швыдкая Н. П. Михаил Петрович Грязнов. Истоки научной школы // История археологических исследований в Сибири / под ред. В. И. Матющенко. — Омск, 1990.

37. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история тагарской культуры. — М., 1967.

38. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. — М., 1980.

39. Матющенко В. И., Швыдкая Н. П. Михаил Петрович Грязнов. Истоки научной школы // История археоло-

гических исследований в Сибири / под ред. В. И. Матющенко. — Омск, 1990.

40. Бобров В. В. С. А. Теплоухов и некоторые проблемы современной археологии // Методология и историография археологии Сибири / под ред. Л. Ю. Китовой. — Кемерово, 1994.

41. Грязнов М. П. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. — 1928. — № 2–4.

42. Грязнов М. П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. — 1929. — № 11.

43. Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. — Л., 1950.

44. Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: сб. ст. / под ред. А. А. Тишкина. — Барнаул, 2004.

45. Шмидт О. Г. Археологические исследования С. И. Руденко в Северной Евразии: дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2006.

46. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Шмидт О. Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. — Барнаул, 2004.

47. Руденко С. И. «Скифское» погребение Восточного Алтая // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. — 1931. — № 2.

48. Козлов П. К. Северная Монголия — ноин-улинские памятники // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. — Л., 1925.

49. Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. — Л., 1951.

50. Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. — М.; Л., 1962.

51. Филиппова И. В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим источникам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 2005.

52. Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2008. — № 2.

53. Дашковский П. К., Мейкшан И. А. Актуальные проблемы изучения мировоззрения хунну Центральной Азии // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. — Томск, 2008.

54. Дашковский П. К. Накопление источников и начальный этап изучения духовной культуры кочевников Центральной Азии эпохи Средневековья // Теоретические и прикладные исследования в религиоведении / под ред. П. К. Дашковского. — Барнаул, 2009. — Вып. 1–2.